А.С.Дёмин

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ "ЗАДОНЩИНА"

Неожиданный авторский облик проглядывает в "Задонщине",- вернее, любопытная сторона в авторском мироощущении. Автор "Задонщины" был хотя и патриот, хотя и поэт воинских подвигов, но он все-таки не чуждался прозаичных хозяйственных мотивов, - конечно, эстетически преобразованных. Выделим их по ходу изложения в памятнике.

Первая группа хозяйственных мотивов: прежде всего в "Задонщине" проявилась, так сказать, вотчинно-земельная тема, автор выразил свои представления о вотчине и о полях. Слово "поле" (в единственном числе) обозначало в "Задонщине" место сражения - это обычно для памятников. Слово же "поля" (во множественном числе) имело иной смысл, - хозяйственный по преимуществу.

Обратим внимание на фразу: татары "поля русские наступают и вотчину отнимают" (цитируем список Ундольского, 537). О том, что подобный текст входил именно в авторский оригинал (архетип), свидетельствует сходство фразы в списках обоих изводов "Задонщины". В Музейском первом списке (того же извода Ундольского): татары "поля наступают, отнимают отчину нашу" (543). В Кирилло-Белозерском списке (уже другого, Синодального извода): "... татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають" (548-549).

Словосочетание "поля наступают" (или "на поля наступают") было употреблено автором "Задонщины" еще раз в другом месте: "Ужо бо поганые татары поля наступают" (539. Ср. в списках обоих изводов, 544, 546, 549, 555). Это редкое словосочетание, не встречающееся в других памятниках, скорее всего, было навеяно выражением из "Слова

о полку Игореве": "Наступи на землю Половецкую" (50). Однако "Слово" тут обозначило победоносное наступание ногами: "Наступи... притопта... взмути...". В "Задонщине" же смысл фразы стал другим в обоих случаях. В первом случае речь шла о нападении на поля как на чью-то территорию. Во втором случае выделился территориально-обитательный оттенок: в этих полях "кони... бродят" (539. Ср. в списках обоих изводов, 544, 546, 549, 555).

Слово "поля" (во множественном числе) употреблялось в "Задонщине" еще дважды, и оба раза снова с территориально-хозяйственным оттенком. Вот эта фраза: "И все великое воиско широкие поля кликом огородиша..., а трупми татарскими поля насеяша" (539. Текст тоже принадлежал автору, так как он однотипно отразился в списках обоих изводов. Ср. 544, 547, 549). Слово "поля" здесь было употреблено в составе двух разных словосочетаний. На первый взгляд кажется, что автор целиком шел за "Словом о полку Игореве". Однако в "Слове" говорилось о земле, а не о поле: "Чръна земля... была посѣяна" (48). О засеянных полях в "Слове" не упоминалось нигде. В "Задонщине" же говорилось именно о полях: "... поля насеяша". Автор "Задонщины" исходил из представления о сельскохозяйственной освоенности полей.

Правда, другое словосочетание почти совпадало со "Словом". В "Задонщине": "... поля огородиша" (в Кирилло-Белозерском списке: "... поля перегороди" - 550). В "Слове о полку Игореве": "... поля прегородиша... преградиша" (47). "Прегородить" и "огородить" - различаются не просто морфологически. "Слово" указывало только на военные преграды для продвижения войска в полях. Автор же "Задонщины", хоть и неясно, представлял поля, пожалуй, уже хозяйственно огороженными.

Четьре примера (других нет) позволяют предполагать, что автор,

хотя и неотчетливо, представлял "поля" как территорию, принадлежащую кому-то, огороженную и засеянную, являющуюся объектом хозяйственной деятельности. В "Слове о полку Игореве" же поля (во множественном числе) представали местом военных передвижений: через поля рыскали, через поля неслись, их меряли мыслью, чтобы быстро пересечь, их прикрывала пыль, поднятая мчащимися войсками (44, 46, 47, 55). Другие памятники XIУ в. также не вкладывали территориально-владельческого оттенка в слово "поля", разве что некоторые деловые грамоты. Таково наше первое прикосновение к хозяйственности представлений автора "Задонщины".

Теперь рассмотрим авторские представления о "вотчине", снова обратившись к фразе о том, что татары "поля руские наступают и вотчину отнимают". Судя по форме фразы, вотчина явно связывалась с "полями", даже приравнивалась к ним, слово "вотчина" имело имущественный оттенок. В памятниках ХП-XIУ вв., и в литературных, и даже в деловых, "отчина" понималась иначе, - соответствующие приравнивания были политическими. "Отчина" означала город, принадлежащий князю. Примеры, думается, пояснять не надо: "... княжащу ему въ отъчинѣ своей, во Тфѣри", "въ Суздаль, въ свою отчину" ("Софийская первая летопись", под 1319 и 1362 гг., 207, 229), "на Москву, въ свою отчину" ("О побоище, иже на Дону", краткая повесть, 15) и т.д. "Отчина" означала и княжество, страну, землю: "... свою отчину и великое свое княжение" ("О побоище, иже на Дону", пространная повесть, 18), "въ свою отчину, въ землю Залѣсскую" ("Тверская летопись под 1380 г., 440), "расудивъ имъ когождо в свою отчину, и приѣжаша съ честью на свою землю" ("Суздальская летопись" под 1244 г., 447). "Задонщина" же во фразе о вотчине, сохраняя,быть может, старый, политический оттенок (отчина-страна), выдвинула на первый план новый оттенок - хозяйственный (отчина-поля).

Кстати говоря, приравнивание вотчины к полям еще раз скрыто отразилось в Синодальном списке "Задонщины", где употреблялась фраза: "Замкни отчин ворота" (554). Сразу вспоминается "Слово о полку Игореве": "Загородите полю ворота..." (53). В Синодальном списке "Задонщины" слово "поле" было заменено на слово "отчины" - как синоним.

Выражение "вотчину отнимают" также указывало не столько на политические, сколько на имущественные отношения сторон. Другие памятники делали акцент как раз на отношениях военно-государственных: "... боронити своея отчины", "вотчина... въ полону будеть", "искаше подъ ними отчины ихъ" и пр. ("Софийская первая летопись" под 1347, 1319, 1139 гг., 226, 210, 158). Автор же "Задонщины" больше склонялся к тем имущественным представлениям о "вотчине", какие выражались в документальной письменности (ср. формулу "давать вотчину" в грамотах и письмах) [1].

Хозяйственный оттенок в высказывании "Задонщины" об отнимаемой "вотчине" получился не соответствующим исторической действительности. Мамай вовсе не стремился присвоить именно "вотчину", именно поля. Действительные цели Мамая являлись военно-политическими, о чем свидетельствовала, например, краткая летописная повесть "О побоище, иже на Дону": Мамай "хотя плѣнити землю Русскую" (14). Да и сама "Задонщина" в начале подтверждала: татары "хотят проити всю Рускую землю" (537, ср.552) [2]. Но автор "Задонщины" вдруг пе-

---

[1] Примеры см.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. - М., 1958. Т.1. Стб.308; Т.2. Стб.831.

[2] О целях Мамая см., например: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках: Очерки социаль-экономической и политической истории Руси. - М., 1960. - С.601-603.

реключился на вотчинные опасения, - еще одно проявление его хозяйственной настроенности.

Далее. Слабый хозяйственный оттенок промелькнул однажды при упоминании Рязанской земли. Автор рассказал о несчастье: "И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют..., зане же трава кровию пролита бысть" (538. Текст аналогичен в обоих изводах. Ср. 543, 550, 554). Отличие от известного места в "Слове о полку Игореве" ("Тогда по русскои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть" - 48): добавлены упоминания о пастухах, о поле и траве, то есть о пастушеской деятельности как обычном состоянии княжества, хотя как раз Рязанское княжество, пожалуй, вовсе и не заслуживало связи с таким идиллическим мотивом. И в этом тоже сказалась земельно-хозяйственная направленность представлений автора.

Вторая группа мотивов - наиболее частая: автор "Задонщины" выражал военно-хозяйственные представления. Описаний войска в тексте памятника не менее десятка. Все они принадлежали автору "Задонщины" (и сходно отразились в списках обоих изводов). Все они делали акцент на материальном снаряжении войска, а не только воспевали его общую боеготовность и боевой дух, как это было принято в памятниках ранее. Самое длинное из описаний явно содержало оттенок хозяйского обладания вещами. Автор употребил в нем делопроизводственное слово "имѣем" (цитируем по списку Ундольского): "... а под собою имѣем добрые кони, а на собѣ злаченыи доспѣхи..." (537. Ср. 543. В Синодальном списке: "... а под собою маем..., но себе маем..." - 553). Слово "имѣем", конечно, необычно для воинских описаний. В "Слове о полку Игореве" более изящно сказано: "Суть бо у ваю..." (52)[3].

---

[3] О делопроизводственном стиле в "Задонщине" см.: Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. - Л., 1986. - С.291-296.

В этом же отрывке выражалось авторское ощущение обилия и отборности снаряжения. Следовал длинный перечень предметов преимущественно с географическими эпитетами - якобы по месту, где их лучше всего производят, - шесть и более элементов: "... злаченыи доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные" (537. Вариации: в Музейском первом списке упомянуты "сулицы ординские, а чары франьския" - 543. В Синодальном списке - "кофыи фразския, а кинжалы мисурскими" - 553). Даже в "Слове о полку Игореве" при самом ярком описании воинских доспехов лаконично упоминалось: два предмета - "желѣзныи паворзи подъ шеломы Латинскими" (52), три предмета - "златыи шеломы, и сулицы Ляцкии, и щиты" (53). Автор же "Задонщины" сделал сочный "производственный" обзор множества предметов.

В описаниях "Задонщины" доспехи представали празднично сияющими на воинах: "А в них сияли силные доспѣхи злаченые" (538. Ср. 543, 553). Это сияние имело связь с библейскими картинами: "И яко въсиа солнце на щиты златы, и обсиаша горы от нихъ и облисташа, яко лампады огненыя" ("Первая книга Маккавейская" гл.6, л.6.2). Ср. в "Хронике" Георгия Амартола : "Яко же въсия солнце на златыя щиты и на оружия, блистахуся горы от нихъ и сияху, яко свѣтил горящь" (203-204). Ср. еще: "... блистающе ся оружиемь и землю свѣтяще" ("Слово о всех святых" Иоанна Златоуста, 460.I); "и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающаяся" ("Галицко-Волынская летопись", 322). Та же тема была продолжена в "Задонщине" в изводе Ундольского: снаряжение стало настолько сияющим, что "все великое воиско широкие поля... злачеными доспѣхами освѣтиша" (539. Ср. 544, 547). Однако цитированная выше фраза о "сильных" доспехах отклонялась от библейской традиции: доспехи ничего не освещали, а камерно сияли сами по себе - подразумевалась их целость, необбитность, но-

визна, чистота, то есть опять выделялся мотив хозяйственно-снаряженческий.

В "Задонщине" присутствовал и мотив хозяйственно-парадный. Ведь то один, то другой герой "злаченым доспѣхом посвѣльчивает" (538. Ср. 543, 554), "а златым тым шеломом посвѣльчивает" (539. Ср. 544, 546, 554). Упоминание о посвечивающем шлеме, несомненно, было заимствовано из "Слова о полку Игореве": "Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ щеломомъ посвѣчивая, - тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя" (47). Но в "Слове" златой шлем посвечивал как проявление резвости сражавшегося. В "Задонщине" же доспехи выставлялись просто напоказ, словно парад продолжался и в бою: посвечивали, - когда картинно "то ти ступишася руские удалцы с погаными татары..." (538), когда аккуратно "Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ" (538), когда стройно "Владимеръ Андрѣевичь... скакаше во полцех поганых в татарских... а скакаша со всем своим воиским" (539). В Кирилло-Белозерском списке парадно-световая тема была по-своему продолжена: "Пащутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри злачены" (548), - все парадно-новенькое.

Ряд описаний снаряжения выражал авторское ощущение прочности доспехов - опять-таки не столько для боя, сколько для парада: на смотрах "стучит великая силная рать... громят удалцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими" (537. Ср. 542, 549, 552). Правда, в "Задонщине" оружие применялось и в бою, но и в этих случаях как бы для испытания его надежности. Испытание прямо предлагалось: "Испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские" (537. Ср. 542, 549, 552). В "Слове о полку Игореве" громыхание было иным - от употребления оружия в бою: "... саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя", "гремлеши о шеломы мечи харалужными" (47), "гримлють сабли о шеломы" (48), "позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския" (53). Говорилось только о не-

посредственной боевой применимости доспехов и оружия: "Луци напряжени, тули отворени, сабли изъострени" ("Слово о полку Игореве", 46). В сущности, хозяйственная тема добротности изделий проходила через всю "Задонщину". На самом деле не таким уж обильным, добротным и новеньким являлось снаряжение русского войска в той суровой реальности. Но видеть войско почти в совершенстве снаряженным очень хотелось хозяйственно идеализирующему автору.

Все в "Задонщине", что связано с войском, связано и с представлением об идеальной снаряженности. Так, когда автор сравнил изготовившееся русское войско с ловчими соколами и ястребами, то и в это обычное сравнение проник дополнительный мотив снаряжения птиц золотыми колодками и злачеными колокольчиками: "То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от златых колодицъ..., возгремѣша злачеными колоколы..." (537. Ср. 542, 549. В Синодальном списке была добавлена еще одна деталь снаряжения - "шевковыя опутины" - 552). Другие памятники не обращали внимания на детали птичьего снаряжения, тем более не "золотили" его (лишь однажды Владимир Мономах в своем "Поучении" упомянул, да и то лишь в общей форме, "ловчий нарядъ... о соколѣхъ и о ястребѣхъ" - 408).

Места сбора войск тоже насыщались "снаряжением". Например, автор сообщил, что войско собралось "в каменом граде Москвѣ", войско пошло "ис камена града Москвы" (537. Ср. 542, 549, 552). Как бы вся Москва представлялась каменной (чего тогда еще не было). Эпитет "каменный" по отношению к Москве не применялся раньше "Задонщины". Однако в литературных памятниках словосочетание "каменный град" прямо связывалось с темой городской обустроенности. Такими представали города, например, в "Слове о погибели Русской земли": "... твердяху каменыи городы желѣзными вороты" (157). Автор "Задонщины" выразил идеализирующее представление о хорошо снаряженном войске в хорошо обустроенной Москве.

При упоминании новгородского войска автор тоже ввел детали городской обустроенности: "Звонять в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ. Стоят мужи навгородцкие у Софьи премудрые" (536. Ср. 541, 548, 561) - вечевые колокола и здание главной церкви. Упоминания колоколов Софии характерны для новгородской литературы, но не при сообщениях о вече, обычно лапидарных ("съзвониша вѣче у святѣи Софѣи" или "сташа вѣцемъ" - и всё. Автор "Задонщины" и тут, пожалуй, несколько выпятил материальные условия военных сборов, оставаясь верным своей военно-хозяйственной настроенности.

Третий мотив: у автора "Задонщины" заметен военно-статистический уклон. Недаром даже главный герой "Задонщины" призывал к счету: "И рече князь великий Дмитреи Ивановичь: "Считаитеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людеи нет"" (540. Ср. 545, а также Печатный вариант "Сказания о Мамаевом побоище", 126). В "Библии" попадались аналогичные эпизоды, например, в "Первой книге Царств", гл.14: "И рече Саулъ людемъ сущим с нимъ: "Считаитеся нынѣ и дозрѣта, егда гдѣ кто есть отшелъ от насъ". И съчтошася" (л.129 об. 2). Есть сходный эпизод в "Истории иудейской войны": "И повелѣ писцемь своимь исчести кождо их по ряду..." (435). В летописях встречались подобные подсчеты и перечни, но не так часто. Автор же "Задонщины" "считался" многократно, приводя новые и новые цифры: "7000 воиска", "7000 окованые рати", "70 бояринов", "триста тысящь окованые рати", "четыреста тысящь окованые рати", "40 бояринов московских, 12 князеи бѣлозѣрьских, 30 новгородских посадников" и т.д. и т.п. (536, 537, 540. Ср. 541, 542, 543, 545, 551, 552, 553, 555). Перечислялись имена, то назначенных, то погибших воевод (537, 538. Ср. 543, 550, 552, 553). В "Задонщине" "счетны" ее первая половина и самый конец. Но нет уверенности в достоверности приведенных цифр, особенно "круглых". Статистика "Задонщины" эстетична: она лишь создает видимость рачительного учета.

Статистика "Задонщины" была основана на теме воображаемого смотра. Постоянно повторялся глагол "посмотрети": "Посмотрим своих полков" - и приводились итоговые цифры собранного войска; "посмотрети иже лѣжат трупы крестьянские" - и шел перечень погибших, именной и числовой; "посмотри к сильному граду Москвѣ" - и далее говорилось о сборах, новгородских и московских; "посмотрим по всеи земли Руской" - и давался общий обзор состояния дел, в том числе русских "богатеств" (537, 540, 536, 535. Ср. 542 и 552; 545; 541 и 551; 547 и 551). В памятниках не было столь частых смотров и обзоров (ср. лишь однажды в "Истории иудейской войны": "... то бо есть гора, и лзѣ оттуду видѣти и знати храмы и цѣркъвь..." - 362). Автор "Задонщины" уже не мыслил мир без надзора и счета.

Наконец, четвертый мотив: у автора "Задонщины" проявились и более "домашние" хозяйственные устремления. Он перечислил трофеи: русское войско захватило "татарская узорочя, доспехи, и кони, волы, и велблуды, вино, сахарь, дорогое узороче, камкы, насычеве..." (545. Цитируем Музейский первый список). Подобный перечень был традиционен, включая упоминание и такого экзотического трофея, как верблюды. Аналогичный состав трофеев перечислялся во многих памятниках, в том числе в летописной повести "О побоище, иже на Дону": "... многа стада кони, и вельблюды, и волы..., и доспѣх, и порты, и товаръ" (15, ср. 23); если идти в обратном хронологическом порядке, то в "Повести временных лет" - под 1103 г.: "... скоты, и овцы, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью" (270); под 1095 г.: "... скоты, и конѣ, вельблуды, и челядь" (238); в "Истории иудейской войны": "Скот же, и кони, и вельблюды, и ослы..." (343); в "Библии": "... на скоты..., и на коня, и на ослы, и на вельблюды, и на говяда, и на овца" ("Исход", гл.9, л.28 об. 2. Ср. "Первую книгу царств", гл.27, л.138.2; "Иудифь", гл.2, л.254.2 и др.).

Индивидуальным для "Задонщины" было упоминание вина и сахара (а также камок и "насычев"). Эти элементы налицо в изводе Ундольского. Для Синодального же извода установить упоминание сахара сложнее, потому что в дошедших списках Синодального извода текст дефектен - в Кирилло-Белозерском списке нет этого перечня, а в Синодальном списке не упомянуты как раз вино и сахар. Но они упомянуты в другом тексте, использовавшем "Задонщину" именно Синодального извода - в "Сказании о Мамаевом побоище", в списках Печатного варианта Основной редакции [4] : "... коней, и волы, и вельблюды, меды, и вина, и сахары" (126). Скорее всего, оба элемента - сахар и вино - упоминались в обоих изводах, восходя к архетипу "Задонщины".

Думается, что сахар в авторском тексте "Задонщины" мог появиться в результате косвенного воздействия "Библии". В "Первой книге Паралипоменон", главе 12, говорилось о пропитании войска Давида: "Но иже близъ бяху до Исахара, и Заулона, и Нефалима принесоша им хлѣбы на ослѣхъ, и вельблудѣхъ, и мскахъ, и волѣхъ на ядение, муку, перевясла, смокви, и гроздие сухое, вино, и елеи, и волы, и овны..." (л.191 об. 1). Каким-то образом географическое название "Исахар" исказилось в "сахар" и вместе с верблюдами, волами и вином проникло в "Задонщину".

Упоминания сахара и вина в данном месте "Задонщины" отличаются "домашним" оттенком и завершаются добавлением, будто взятые трофеи "руския сынове... везут женам своим". В прочих произведениях трофеи везли в свою землю или в свой город, но не специально же-

---

[4] См.: Дмитриев Л.А. Вставки из "Задонщины" в "Сказании о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". - М.; Л., 1966. - С.431-434.

нам, - внезапному предмету забот как раз автора "Задонщины".

Хозяйственно-домашний оттенок был не совсем уж единичен в "Задонщине". Добывание благ для жен отмечалось в памятнике еще раз, притом в обоих изводах: "Братия бояра, и воеводы, и дѣти боярьские! То ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам" (539. Ср. 544, 547, 555) [5].

Разнотипные государственно-хозяйственные, военно-хозяйственные и домашне-хозяйственные мотивы не сложились в "Задонщине" в органичную систему. Однако жизненная позиция автора подвела к созданию нового - хозяйственного - фона в произведении, к выработке новой манеры повествования, "подымающей" более "низкий" хозяйственный мир к высокому воинскому, рыцарственному миру.

Цитированные издания текстов

"Библия" - Библия. Острог, 1581. Указываются листы и столбцы издания.

"Галицко-Волынская летопись" - ПЛДР. XIII / Текст памятника подгот. О.П.Лихачева.

"Задонщина" - Тексты "Задонщины" / Подгот. Р.П.Дмитриева // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". - М.; Л., 1966.

---

[5] "В этом нельзя не видеть отображения московского феодального быта..." (Ржига В.Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве. - М., 1959. - С.389; "типичный московский бюрократизм XIV-XV вв. ..." (Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. - С.293).

"О побоище, иже на Дону" - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А.Дмитриев. - Л., 1982.

ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси: XI - начало XII века. - М., 1978; XIII век. - М., 1981.

"Повесть временных лет" - ПЛДР. XI - нач. XII / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.

"Поучение" Владимира Мономаха - ПЛДР. XI - нач. XII / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.

"Сказание о Мамаевом побоище", Печатный вариант Основной редакции - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А.Чуркина. - Л., 1982.

"Слово о всех святых" Иоанна Златоуста - Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. - М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания.

"Слово о погибели Русской земли" - Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века "Слово о погибели Русской земли. - М.; Л., 1965.

"Слово о полку Игореве" - Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л.А.Дмитриев и Д.С.Лихачев. - Л., 1967.

"Софийская первая летопись" - ПСРЛ. - СПб., 1851. Т.5.

"Суздальская летопись" - Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Под набл. А.Ф.Бычкова. - СПб., 1897.

"Тверская летопись" - ПСРЛ. - М., 1965. Т.15 / Под набл. М.Н.Тихомирова.

"Хроника" Георгия Амартола - Истрин В.М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. - Пг., 1920. Т.I.